

ОКСАНА ШАТАЛОВА

ШЕСТЬ ДНЕЙ
ИЗ ЖИЗНИ
ОБИТАТЕЛЕЙ
Г. КОВЫЛЬСКА

Оксана Шаталова

**Шесть дней из жизни
обитателей г. Ковыльска**

«ЛитРес: Самиздат»

2003

Шаталова О.

Шесть дней из жизни обитателей г. Ковыльска / О. Шаталова —
«ЛитРес: Самиздат», 2003

Начало 2000-х. В Доме без-окон-без-дверей просыпаются девять человек, из которых никто не в силах объяснить, как и почему здесь оказался. Это маленькие люди постсоветской реальности. Каждый жил обычной жизнью, надеясь на перемены к лучшему, и теперь в их судьбе "что-то изменилось". Но изменения зловещи, ибо каждый день в Доме совершаются кровавые злодеяния. Как поведут себя жители Ковыльска, и чем завершится их невольное заточение?

Предисловие (2019)

Эта повесть написана в 2003 году, почти 16 лет назад. Сегодня мне кажется, что она не только детективно-фантастическая, но и реалистическая – в смысле фиксации времени: реалий, деталей, типажей, языка, а главное психологического ореола. Как мне кажется, в персонажах, в настроении, в сюжете, в финале отразился тогдашний иронический цинизм и пессимизм, и вместе с тем надежда на чудо, – отразилась растерянность, которую тогда переживали многие, но не все осознавали. Я тоже не осознавала тогда, но почувствовала в тексте сейчас.

Глава 1. Что-то изменилось

*Удивительно, но злоевищий грохот был слышен за тысячу километров от эпицентра. Вавилонская башня, образованная продуктами взрыва, возросла на 20-километровую высоту. Сотрясение почвы зафиксировали сейсмографы Алматы, Тегерана, Дели...
«Столичный вестник». 8 сентября 2004 г.*

*В масайской деревне мы видели белого человека в традиционном красно-клетчатом одеянии. Жители деревни называют его сыном бога Нгаи-Нарок...
Журнал «Клуб путешествий». № 9, 2004 г.*

День первый

Как обычно, Шедевр проснулся в позе эмбриона – на левом боку, поджав коленки. Он любил спать так, и по утрам всегда замечал на левом плече рельефный след от подушки. А однажды сразу после пробуждения спустился в тату-салон, который был на первом этаже его подъезда, и заказал Недобитому протатуировать подушечный орнамент. Получилась крутая абстракция, – Недобитый выразил одобрение.

Шедевр открыл глаза и посмотрел на стену.

И увидел надпись.

На стене.

Впрочем, само по себе наличие настенной надписи не содержало никакой сенсации. Мало ли зачем люди помещают плакаты на вертикальные поверхности. Иностранные слова, например, развешивают по всей квартире (Муму даже на окна лепит карточки – на каждое окно местоимение на эсперанто). Или какие-нибудь другие напоминки – «Не забудь выпить витамин Е после обеда». Или просто лозунги – «Надо работать». Или просто приколы – «Этот плакатец прикрывает дырку в обоях» (висит у Фроси в спальне – причем, под плакатцем никакой дырки нет).

Здесь тоже, вероятно, таился какой-то прикол. Большой плакат – метра два на два – был заключен в строгую деревянную рамку и закрыт стеклом, как подлинная картина. А может, это и была картина? Существуют же абстрактные шедевры (типа у Шедевра на плече), состоящие из одних линий. Так почему бы им не состоять из одних слов?

Шедевр приподнялся на локте и прочитал красные буквы:

Если пакостный сосед
Кинул муху в твой омлет,
Если стырили посуду
Собутыльники-паскуды,
Если трепетный объект
Не согласен на коннект,

Если ты, обычный гений,
Утомлён от впечатлений
И от суеты сует,
То послушай наш совет:
Не кручинься, не реви,
Всё душу не трави.
Лучше ближних удиви:
Ножик омочи в крови
И скорей отсюда рви.

Ну и бред... И кто только притащил сюда этот фольклор? Шедевр озадаченно покашлял, перевел задумчивый взгляд на подушку – и обалдел. *Шедевр не узнавал подушки* – его родная, грязно-белая, со свинками-футболистами, куда-то пропала, и вместо нее впадину от головы хранила новая, чистая, серая – цветом и формой сходная с экраном потухшего телевизора Электрон-738, заменявшего тумбочку в его родной хрущобе. И вторая подушка была серая. И простыня была серая. И одеяло было серое, но с отметиной – белым иксообразным пересечением стрел. Такой же – только черный – икс широко пластался на потолке.

И... что все это значит?

Потрясенный взгляд Шедевра осторожно отлепился от потолка и медленно пополз вниз, натываясь по пути на:

- квадратные ниши в стене, изредка обжитые пузатыми глиняными вазочками и круглыми серыми камушками;
- полуоткрытую дверь, за которой поблескивало что-то богатое, джакузистое;
- сухое дерево в углу – нечто среднее между икебаной, скульптурой и вешалкой;
- тумбочку из переплетенных черных реек – сквозистую, дырявую, надменную – приютившую светильник в форме куцей трубки бамбука и новенький кухонный нож;

Наконец взгляд снова вскарабкался на кровать и оценил, что она весьма щедро простирается вокруг, – из-под постельного белья деревянная плоскость высывалась еще на целый локоть. Заглянув под этот козырек, Шедевр обнаружил шлепанцы – матерчатые, черные.

– Спасибо, что не белые, – вслух сказал он и прислушался.

Ответа не последовало.

– Спасибо, что не белые, – сказал он еще раз.

Это была совершенно не его квартира.

* * *

Входная дверь находилась справа, возле ванной. За этой дверью, наверное, таились ответы на вопросы, – там гудел нестройный хор голосов.

«Неужто меня похитили с целью выкупа?» – подумал Шедевр и мысленно усмехнулся – ну кому он нужен, грузчик-кладовщик, провинциал и сирота. Однако каким образом состоялось это загадочное перемещение? Он уснул в своей тесной клетушке, а проснулся в шикарной буржуйской спальне, будто только что вышедшей из холодных лап дизайнера.

Его накачали лекарствами? Но зачем?... А может, это сон? Или виртуальный мир, типа «Матрицы»? Он опять усмехнулся – уже не мысленно, а телесно. Не будь идиотом, Шедевр. Наверняка все объяснится как-нибудь элементарно.

За дверью раздался женский визг. Шедевр вздрогнул и решил наконец разведать обстановку. Но перед тем, как покинуть комнату, заглянул в платяной шкаф (дверка не растворяется, а сдвигается). Там висело несколько одинаково белых хлопчатобумажных комплектов: широкие шорты, окаймленные по низу черным, и футболки, украшенные на груди тем же иксообразным логотипом. С костюмами соседствовали нежно-зеленые полосатые пижамы.

Под одеждой ровным рядком стояли три пары шлепанцев, над одеждой безупречным кубом высилась стопка белья, а еще выше, на последней полке, алел крестом-и-полумесяцем белый чемоданчик аптечки.

Невнятно заподозрив, что таинственные хозяева прочат ему долгое проживание, Шедевр снял с плечиков белое одеяние и облачился (а что делать – не выходить же на неизвестную территорию в трусах?). Однако делал это неохотно, ибо предчувствовал розыгрыш. Но кто мог подготовить такую масштабную забаву? Неужели Фрося? Она не единожды удивляла Шедевра, но чтобы так... И главное – зачем? К тому же обстановка была такой чужой и надменной, что невольно рождались самые нелепые сомнения: а вообще, в Ковыльске ли я? Не увезли ли меня зачем-то на край света, подальше от родного города?

Колыхание мыслей прервал неожиданный стук в дверь – короткий, в три костяшки, мимоходный.

Голоса продолжали бубнить.

Шедевр решил выйти.

* * *

Осторожно приоткрыв дверь, он встал на пороге.

И увидел.

Увиденное было так же сильно, как удар лопатой по лицу.

Это был коридор. Полный дверей и людей. На дверях висели таблички с цифрами (Шедевр обернулся и увидел, что его комната обозначена номером 8). На людях висели белые одеяния с иксообразными логотипами. Там были мужчины и женщины... Но на женщин Шедевр не обратил вначале никакого внимания, ибо взгляд его намертво приковался к тройке мужчин. Один человек из этой тройки находился в горизонтальном положении, а двое – в вертикальном. Т.е. двое тащили третьего. Этот третий был обнажен до плавков, белокож и дрябловат. Голова у него безвольно свешивалась на грудь, а из груди торчала черная рукоять ножа (кровь на бледной коже выглядела особенно зловеще). Зато тащившие его двое отличались ярким цветом кожи – один из них был загорелым до красноты, а второй африканцем. Последний тащил труп, ухватив подмышками, а загорелый держал за ноги, раздвинув их и подцепив за колени, – казалось, что он хочет заняться с трупом любовью. В сущности, они не несли его, а везли, – тело черными плавками упиралось в паркет и шелестяще скользило.

Шедевр оцепенел, глядя на болтающуюся руку усопшего, украшенную синей татуировкой – коряво начертанными именем и фамилией...

– О! Восьмой вылез! – воскликнул загорелый. – Добро пожаловать!

– В ад, – хмуро добавил африканец.

Они уже подтаскивали тело к широкому люку, зияющему слева – где коридор обрывался стеной.

– Напугался, сынок? – участливо спросил Шедевра другой голос, принадлежащий дедку в семейных трусах с гавайским узором. Это был настоящий опереточный дедок, ибо он носил клочковатую пегую бородку, кустистые брови и орлиный взор.

– Нас не бойся, – сочувственно промолвил он. – Мы такие же, как и ты. Подопытные!

– Подопытные? – вступил в контакт Шедевр. – То есть?

– То есь, то есь! Ага! – отозвалась полная женщина, убиравшая кровь с паркета современной веревочной шваброй с телескопической ручкой. – А чё это такое, а? Нафиг!

Объяснение не внесло в ситуацию ясности. Шедевр заозирался.

Спускаясь по лестнице, афрорусский и загорелый задевали трупом края люка.

– А вы осторожней, осторожней поворачивайтесь! – пожурил их дедок, потом, снова повернувшись к Шедевра, сказал. – Дед Витя я.

– Шедевр... эээ... Тимур, – ответил Шедевр.

– О! Шедевр! Это еще круче, чем «Здравствуй, Натс! – Здравствуй, Мозг!» – отреагировал загорелый, медленно втягиваясь в люк. Перед спуском он сменил позицию, и теперь нес ноги, повернувшись к их хозяину спиной. – А я – Алексей Федорович Василенко! Можно просто Лёха.

Потрясенный обстоятельствами новых знакомств, Шедевр не сразу разглядел двух женщин, стоявших слева от него. Одна из них, пышноволосяя брюнетка в стиле певицы Шер, поддерживала за плечи худенькую девушку, сутулившуюся и напряженно сжимавшую в руках стакан. Девушка ритмично икала, а брюнетка уговаривала ее попить. Вид у девушки был отсутствующий. Прическа ее напоминала о кино-героинях гражданской войны, недавно переболевших тифом и начавших потихоньку обрастать. В центре русой тифозной стрижки, на самом затылке, росла упругая на вид косичка толщиной с мизинец. Девушка смотрела в стакан и дрожала.

– Здравствуйте, – неуверенно сказал Шедевр.

– А, проснулся наконец? – откликнулась брюнетка. – Долго ты спал. А мы уже, наверное, не меньше часа тут слоняемся... Ну пей давай, Костя!

– Задержи дыханье, надави на область диафрагмы и хлебай большими глотками! – крикнул дед Витя, склоняясь над затихающим люком.

– А вообще... что тут происходит? – спросил Шедевр, не удивившись тому, что девушка носит мужское имя Костя. – И... кто это? – он указал на люк.

– Покойник что ли? – отозвалась брюнетка. – Он всегда тут был... В смысле, когда мы все проснулись и вышли, он уже тут лежал, с ножом, теплый... Ну, мы сначала ходили, исследовали, смотрели – ну шика-а-арно! – потом совещались в гостиной. А он лежал.

Костя выпила воду и громко, как ослик, икнула.

– Ах ты господи... Ну иди, иди на кухню, попей еще. В холодильнике набери водички, на дверце там такое приспособление специальное, для набора воды... Иди... – она легонько толкнула в спину бедную Костю, и та, продолжая смотреть в стакан, побрела в противоположную от люка сторону – туда, где коридор взбухал великолепным холлом.

– Шок у нее, – сказала брюнетка и шмыгнула носом. – Она, как и ты, долго спала, потом вышла, увидела покойника и заорала. Вот мы и решили спустить его вниз.

Голос у брюнетки был грудной и слегка гнусавый. Лицо заостренное, тонкогубое и хитрое. Даже в белой футболке и нелепых шортах она производила сильное впечатление, – и мысленным взором виделась в черном, подметающем паркет, одеянии.

– А как я... мы тут оказались? – задал Шедевр главный вопрос.

– Я знаю! – внезапно очнулась бедная Костя и торопливо подбежала к Шедевр. – Я знаю! Я тебе расскажу. Пойдем!

Сунув стакан в руки брюнетке, Костя схватила Шедевра за руку и потянула его в холл. Дед Витя продолжал кричать в люк. Дверь третьего номера внезапно распахнулась, оттуда вылезла всклокоченная голова – седой одуванчик – покрутилась вправо-влево, плюнула на пол и быстро втянулась в комнату, щелкнув задвижкой.

«Хорошо, что можно запереть дверь», – отрешенно подумал Шедевр, сглотнул комок в горле и пошел, увлекаемый девушкой, в гостиную. Брюнетка последовала за ними.

В холле Шедевр успел выхватить взглядом витую лестницу, гигантский телевизор и огромную фотокартину с изображением раненой козы. Он, Костя и брюнетка уселись на бело-снежный, увеселенный разноцветными подушками, диван, и девушка вновь прошептала:

– Я знаю! Знаю!

– Что ты знаешь? Говори! – прогундосила брюнетка.

– Я знаю... – уже растерянной повторила Костя. – Знаю... – и мизинцем потрогала корочку герпеса на верхней губе.

– Ну говори же! – торопила брюнетка. – Можешь, хоть ты, наконец, объяснишь все это безобразия?

– Это *ты* должна объяснять, Алька! – лукаво проговорил дед Витя, усаживаясь рядом с дамой. – Ты ж у нас ведьма как-никак!

– Меня зовут Альгейба-Адхафера младшая, – холодно отозвалась та. – И мой черед скоро настанет. В полночь мы поднимемся в гадательную комнату...

– Альгейба! – вскричал пораженный Шедевр. – Гадательный салон «Альгейба-Адхафера»! Улица Конкретная, 25! Телефон 4-44-11!

Он повторил текст одного из «объявлений с начиткой», звучавших каждый день по местному телевидению. Первый раз за сегодняшнее сумасшедшее утро он услышал что-то знакомое!

– Так, значит, вы тоже из Ковыльска? – обрадованно спросил он Альгейбу.

– Да. По-моему, мы все тут из Ковыльска. Виктор Федосеевич – пенсионер. Алексей – шофер директора ТОО «Холодный душ». Костя... Ах, ладно... Слушай, парень, не заговаривай зубы... Костя, ты что-то хотела сказать?

– Я знаю, кто вы такие, – ответила наконец Костя, терзая болячку на губе. – Вы – никто! Это всё глюки. На самом деле вас нет. Это всё мне чудится... Чудится... Чудится... – она стала ритмично покачиваться вперед-назад.

– О боже, – вздохнула гадалка.

– Возьми в аптечке валерьянки, – строго порекомендовал девушке дед. – А еще лучше попробуй народные средства. Самое лучшее – уринотерапия. Собирай свою мочу, подогревай ее и делай микроклизмы по 50 граммов – каждый день начиная с первого дня цикла менструального. Сразу энергией целебной подпитаешься. И нервишки подлечишь, и общее здоровье укрепишь. Или скапливай урину ночную, меж трех и четырех часов, и пей по утрам залпом либо мелкими глотками, которых должно быть нечетное число... Чудодейственная урина! – он воздел темный крючковатый палец, утешительно похлопал Костю по шее, поднялся и куда-то ушел.

Вслед за ним удалилась и гадалка.

Они остались на диване вдвоем.

– Когда я дома выключала свет, – дрожащим голосом заговорила девушка, – а потом опять включала, мне всегда казалось, что... что-то должно измениться. Я верила, что темнота может что-то изменить... – она всхлипнула. – Но всегда оставалось всё по-прежнему. Ничего не менялось. А теперь... Наконец... Изменилось... – она особенно громко икнула и заплакала навзрыд.

Шедевр почему-то нравилось смотреть на ее плач – что-то в нем было успокаивающее. Костя не закрывала лицо руками, а рыдала открыто, по-младенчески морща личико и постепенно покрываясь красными пятнами.

– Чё расклеилась? Утю-тю-тю, миледи Бонасье! – сказал, проходя мимо, загорелый Лёха Василенко. Он был в одних шортах – с обнаженным торсом. Потом прошли полноватая женщина и афрорусский.

Так же внезапно, как и начала, Костя прекратила рыдания и спросила:

– Как тебя зовут?

– Шедевр, – ответил Шедевр.

– А на самом деле?

– А какая разница?... Тимур.

– А я Констанция.

– А на самом деле?

– А какая разница?... Констанция. Констанция Есько.

– Круто, – одобрительно хмыкнул Шедевр.

– Ну да, – печально кивнула девица. – Я в 78 году родилась, когда «Три мушкетера» только вышли. И сразу – культ. И вот... – она безнадежно махнула рукой. – Ну скажи, почему люди с нормальными именами придумывают себе ненормальные клички? Почему Шедевр? – она опять вздохнула. – Я бы очень хотела быть Леной или Наташей.

– Ты случайно не знаешь, как мы оказались здесь? – спросил Шедевр.

Костя горько помотала головой.

– Но тут все ковыльские?

– Вроде бы, – пожала плечами девушка. – Одного я точно знаю. Мулата. Это Саша Убей-Волк, мы с ним вместе в ночном клубе работаем.

– А, бухгалтер?

– Да. Знаешь?

– Это же все знают. Что в заковыльском клубе есть бухгалтер-мулат. Но я за Ковылкой никогда не бываю.

– Понятно. А ты где работаешь. Или учишься?

– Работаю. В «Мире напитков», на Узкой улице.

Внезапно из коридора послышалось хлопанье двери и звучное шлепанье босых ног по паркету. В холл вбежал человек с одуванчиковой головой. Он был в розовой пижамной куртке, голоногий, грузноватый, с отечным мешковатым лицом. Подбежав, он нагнулся к Косте, прокричал фальцетом «Лови!» и, подпрыгивая, ушлепал прочь.

Все произошло в одну секунду.

– Что это было? – спросил оторопевший Шедевр.

– О господи, – бедная Костя с трудом переводила дух. – Оказывается, мне тут знаком не один человек, а два. Это отец Ленки Орешкиной, соседки. Он уже пять лет в ПНД сидит.

– Пойдемте завтракать! – услышали они голос гадалки Альгейбы. – Что бы ни произошло, питаться необходимо.

* * *

За завтраком (ветчина, сыр, брынза, консервированные кальмары, стручковая фасоль, маслины, кедровые орешки, йогурт, фрукты) Шедевр получил вожделенную информацию. Правда, информацию эту можно было расценить как отсутствие информации, но как известно, оное также информацией считается.

Он узнал, что его невольные соседи не имеют ни малейшего представления о причинах их пребывания здесь. Конечно, имели место некоторые гипотезы. Дед Витя, к примеру, доказывал, что их поместили сюда с целью проведения каких-то секретных и преступных экспериментов, – возможно, они сейчас дышат отравленным воздухом или едят отравленную пищу, или носят экологически грязную одежду (опасаясь этого, он упрямо щеголял в семейных трусах). Марина (полноватая женщина) заявила, что «их украли бандиты» – но какие бандиты и почему украли, рассуждать не стала. Грустный мулат Саша попытался было развить тему, предположив, что бандиты хотят их использовать в качестве доноров внутренних органов, – но всем, особенно той же Марине, развитие темы настолько не понравилось, что Саша был высмеян и окрещен «поклонником всякой чернушной мути, которую по телеку показывают». Водитель Лёха предположил, что их похищение – провокация заграничных спецслужб, – акция, каким-то образом направленная против их родного государства (впрочем, он затруднился объяснить, зачем спецслужбам понадобились обитатели скромного, свободного от секретных производств и от внимания мировой общественности, Ковыльска). Альгейба туманно провещала что-то насчет параллельного мира, а Костя продолжала продвигать версию сна и галлюцинаций (правда, уже неуверенно).

Шедевр тоже внес лепту в банк идей, предположив, что их поселили здесь устроители первого в Ковыльске реалити-шоу, типа «За стеклом» или «Последний герой». Эта версия

пришлась многим по душе, – правда, несколько смущало наличие настоящего, а не бутафорского, трупа. И никаких видеокамер на потолке исследователи не обнаружили.

Еще Шедевр узнал, что, пока он спал, коллеги детально исследовали помещение и, помимо того, что оно «шикарное» (Альгейба), «крутое» (Марина) и «сволочное» (дед Витя), установили:

а) В квартире не имеется ни одного окна и ни одной двери;

б) Квартира двухэтажная – на первом этаже расположен коридор с десятью пронумерованными спальнями (по пять с каждой стороны), холл, столовая, кухня и кабинет. На втором этаже (Лёха заржал) находятся две чрезвычайно необычные комнаты – Шедевр толком и не понял, какие. Еще имеется подвал – вместилище всяких швабр-щеток-доместосов. Там же находится большущая холодильная комната с тушами убитых животных. Туда же в санитарно-гигиенических целях поместили труп незнакомца.

в) Впрочем, он не был незнакомцем. По свидетельству Лёхи, убитый звался Колей, имел профессию формовщика и трудился на предприятии, производящем железобетонные изделия («я раньше тоже там работал, на КЖБИ, на кране, а потом меня по благу устроили Платоньча возить»). Обнаружила тело Марина, после чего разбудила остальных.

На этом месте в столовую вошел новый персонаж – туберкулезного вида человек в круглых очках. Он не стал присоединяться к общей трапезе, взял из холодильника большую, похожую на мяч для регби, дыню «туркменка» и пошел прочь.

– А чем резать будешь? – крикнула вдогонку Марина. – Ножик хоть возьми!

– Но-о-ожик? – издевательски протянул новый персонаж и немедленно вернулся в поле обзора – чахлый, но торжественный:

– Люди, вы что, обезумели?! Вы беззаботно предаетесь праздности, а между тем у каждого из вас в спальне лежит превосходно отточенный нож! А в аптечке – вы открывали аптечку? – стоит пузырек с надписью *Aconitum ferox*! Это тинктура аконита, «матери ядов» – смертоносного растения, безвредного лишь для ведьм! – он покосился на Альгейбу. – Глупцы! Вспомните плакат на стене! Вспомните, к чему вас призывают неведомые хозяева! «Лучше ближних удиви! Ножик омочи в крови!» – оратор сжал дыню обеими руками и проникновенно ею потряс, как будто это была не свежая «туркменка», а американско-шаманская «койотовая дыня», высушенная и наполненная гремящими камушками. – Поймите же, человеки! Вас заперли в золотой клетке, чтобы вы убивали друг друга! Чтобы перегрызли друг другу горло, словно взбесившиеся волки! Это новая жестокая игра! Кровавая потеха! Одному, очевидно, нужно остаться в живых – чтобы получить дорогой приз, – возможно, этот приз – сама жизнь... И кто-то уже принял дьявольские правила: первая жертва с ножом в сердце покоится в холодильнике среди коровьих туш... Кто-то уже начал убивать. Кто-то уже играет. И это – поймите! – кто-то из вас! – он ткнул длинным пальцем в притихших едоков и покинул столовую.

Глава 2. Они здесь торчат отовсюду

Из дневника Констанции Есько

21.45.

Подходит к концу первый день моего пребывания в этом странном Доме, напоминающем то ли роскошную гостиницу, то ли иной приют для нуворишей. Однако совершенно неясно, каким образом я, да и все остальные, оказались в незнакомом месте. Ничего вразумительного никто сказать не может. Все легли спать вечером в своей квартире (за исключением Марины, ночевавшей на даче, и Орешкина, который давно не спит дома), а проснулись уже здесь, в таинственном жилище без окон, без дверей.

Похоже на то, что нас перевезли ночью, возможно, предварительно опоив снотворным: утром на каждом из нас оказалось ровно столько вещей, сколько было перед сном. К примеру, писатель Павел Петрович проснулся в очках (задремал за чтением), а я – в наручных часах. Привыкла спать с часами и Альгейба – оттого мы вдвоем являемся здесь владыками времени (у гадалки часы висят на груди – золотые, с рельефным изображением зодиакального Льва на крышечке). Однако у большинства жильцов личная собственность ограничена майками, плавками да ночными сорочками. Орешкин щеголяет в розовой пижаме без штанов (и, кажется, без нижнего белья), дед Витя – в ярких «семейках». Остальные воспользовались содержимым местного гардероба.

Но кто перевез нас сюда? Кто дал снотворного? Наши родные? Но зачем?... Я бы подумала, что это оригинальный сюрприз, если бы не мертвец в подвале...

Нет, нет, нет!

Забудь, забудь, забудь!

Не думай! Не думай! Не думай!

Раз, два, три!

Всё, забыла.

...Я облюбовала себе местечко в кабинете за матовыми раздвижными дверями, куда не доносится шум из гостиной. Круглый деревянный столик, круглые зазорные кактусы – это место идеально подходит для сочинительских экзерсисов. Всю стену – от пола до потолка – занимает огромный стеллаж, набитый книгами, журналами, бумагами, кистями, красками, разными канцелярскими пустяками. Как будто кто-то безмолвно восклицает: «Хочешь творить – твори!» На стеллаже я отыскала гелевую ручку и общую тетрадь, – и решила вести летопись жизни в Доме.

Ну что ж, поехали...

Жильцы

Нас здесь девять человек, на которых приходится десять спален.

Комнаты – одинаковые, но есть нюанс: смежные номера как бы зеркально отражают друг друга (в смысле мебелировки).

1. В номере первом – прилегающем торцом к гостиной – обретается Марина Ткач, энергичная зеленоглазая женщина. Дама с быстрыми пухлыми ручками и такими же пухлыми ножками, усыпанными следами комариных укусов. Волосы каштановые, – цвет несколько подпорчен химической завивкой. Прическа «шапочка» с желтыми обесцвеченными перьями, какую носит половина ковыльских обывательниц.

Марина – «приходящий повар у крутых» (по ее собственному признанию) и местная знаменитость. Дважды по КТВ в передаче «Наши таланты» мне случилось видеть ее творения – картинки-аппликации из осенних листьев и проволоки (медную проволоку нарезал муж – его хмурое, с белесыми бровями лицо показали мельком).

Марина кормит нас превосходными блюдами и делает это с удовольствием. В обед я ей немного помогла в качестве «принеси-подай-почисти», а она рассказала мне о своей семье, в которой все – увлеченные люди (стихи, икебана, лобзик), и поделилась собственными творческими планами. Оказывается, художница мечтает создать портрет ежа из канцелярских кнопок – чтобы имитировать настоящие колючки. Эта идея ей пришла сегодня утром, когда на стеллаже она заметила кнопки – реликт, о котором в наш век скотча уже начали подзабывать.

К концу рассказа я немного утомилась. Марина это заметила и, сделав недовольное лицо, прогнала меня с кухни (ну и хорошо).

2. В соседней комнате, под номером 2, живу я, Констанция Есько.

О себе я и так всё знаю.

3. В третьем, справа от моего, номере обитает отец Лены Орешкиной (моей соседки по подъезду), – седовласый безумец, похищенный нашими неведомыми хозяевами прямо из психиатрической клиники.

Кому и зачем понадобился этот несчастный? Может правда, как утверждает дед Витя, мы все – только материал для таинственных опытов?

4. Четвертый обитатель Дома – Саша Убей-Волк, бухгалтер из «Заковыльского плейбоя». Я читала о нем в «Боксите» еще до того, как устроилась в клуб.

Для Ковыльска у него уникальная родословная. Его папа был студентом московского Университета Дружбы народов, когда его мама – т. Ира – приехала в столицу «поступить на экономиста». Экзамены она провалила, зато познакомилась с гражданином Кении г-ном Обуру Огинга, а по возвращении в Ковыльск стала матерью темнокожего сыночка, который впоследствии (после того как знакомые свыклись), сделался истинной ее гордостью. Саша всегда побеждал на олимпиадах по русской литературе, а его сочинение о Мцыри было опубликовано даже в столичном «Гласе школяра».

Саша после 8 класса окончил наш техникум и устроился в заковыльский ночной клуб.

Вообще же он обожает три вещи – свою семью (жену и крохотную дочурку), танец и стихи. Саша очень начитан и, можно сказать, помешан на поэзии. Помню, с каким воодушевлением он читал нам с Валькой (наизусть) поэму А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», а потом устроил настоящую лекцию о поэтах-декабристах.

Никогда раньше не думала, что мне могут понравиться стихи.

Как сильно все же отбивает школа интерес к искусству...

5. В пятой, последней в ряду, комнате проживает деятельный пенсионер Виктор Федосеевич, уже прозванный Алексеем «Уриной» – за то, что он бесконечно разглагольствует о пользе уринотерапии. Например, не далее как в обед старичок рассказывал о методике использования урины через нос и уши. Хорошо, что трапеза подходила к концу, и вкуснейший плов по-узбекски (с ягодами барбариса и горошинами душистого перца) десять минут назад был съеден. Теперь допивали водку, оставшуюся с поминок Коли, и закусывали салатом оливье, – поэтому лекция о жидких отходах жизнедеятельности никого особенно не взволновала. Только Алексей сощурил свои голубые, цвета стеклоочистителя, глаза и громко удивился:

– Ну ты, старый, погнал! Как это – моча через уши?!

После чего они с дедом долго препирались.

Однако через полчаса, когда я вновь зашла на кухню (за грушей), стар и млад вели себя вполне дружно. Взбравшись на гранитную столешницу, они активно «сворачивали башку зверюге», то есть ломали вытяжной шкаф, сделанный в виде раскрытой львиной пасти. Старик надеялся обнаружить там выход – но безрезультатно, ибо узкая труба длилась вверх бесконечно.

Старик вообще весь день занимается поисками выхода и уже вывинтил несколько розеток и выломал несколько светильников. Он постепенно разрушает красивый Дом, и, если честно, мне Его нисколечко не жаль.

Кстати, один таинственный момент. Виктор Федосеевич явно скрывает свою профессию. Алексей проявил интерес к его прошлому, но дед ограничился туманным: «Пенсионер я...» и быстро сменил тему.

6. Шестой номер (по другую сторону коридора), расположенный напротив номера первого, занимает Алексей Василенко – шумный белоголовый водитель, уже упомянутый выше.

Алексею лет тридцать. Женат, имеет 8-летнего сына. Я мысленно дала ему кличку Торс за постоянную привычку разгуливать топless (вероятно, так он кажется себе более мужественным, хотя, может, ему просто жарко). Кровь, которая должна насыщать мозг, у Алексея тратится на уши. Они у него багровые, словно от стыда. И загар красноватый, как у индейца. Белые шорты сзади немного приспущены, и выглядывает ярко-белая попа.

7. Седьмой номер пустует. Видимо, он был отведен Коле – тому, что сейчас в холодильнике.

8. В восьмом обосновался Тимур – высокий худощавый парень, называющий себя Шедевром (интересно, отчего бы?). Его безмятежная физиономия, обрамленная длинными и не очень чистыми патлами, меня почему-то раздражает. Причина раздражения, возможно, коренится в том, что он странно равнодушен к происходящему. К тому же весьма ловко увильивает от дел (кстати, как я сегодня выглядела? Наверно, не комильфо: глаза красные, и болячка на губе еще не прошла).

К примеру, утром дед Витя предложил Тимурю заняться вытяжным шкафом. Тот пожал плечами, кивнул, но потом незаметно исчез, и деду пришлось привлекать Алексея.

...Вот! Поняла, кажется, причину неприязни. Шедевр своей надменной апатичностью весьма напоминает мне Пашу, друга моей напарницы Валентины. Паша работает у Его Свиноподобия...

Ой, зачем я только вспомнила *о нем*... Пальцы-сосиски, голова-колобок, складчатый жирный затылок...

О нет!

Ничего не было, не было, не было.

...О боже, не понимаю, как я могла еще целую неделю *там* работать?!

Мерзкое Свиноподобие...

(далее неразборчиво, следующий лист вырван).

Почему я его не убила тогда? Ему удалось выбить нож из рук...

Но хватит, хватит, довольно!

Раз, два, три!

Всё.

Забыла.

9. В клетку под номером девять помещена Альгейба-Адхафера младшая – дама худая и колючая. У нее не овал лица, а ромб. Профиль какой-то зазубренный. Глаза черные, с металлическим отливом. Волосы пышные, смоляные.

Я бы не удивилась, если бы узнала, что эта женщина испускает радиоактивные лучи. И недаром: Альгейба – прорицательница и гадалка на картах Таро.

Имя, видимо, не настоящее, зато загадочное и звучное. Горделивая осанка, уверенная речь. Сердцем и подсознанием чувствуешь, что она обладает Даром (хотя впечатление несколько портит ее насморк и привычка хлюпать носом, а потом сглатывать).

Я поинтересовалась стоимостью ее услуг, она ответила – 50 у.е. за сеанс. Ужасно дорого! Но сегодня ночью Альгейба совершит сеанс бесплатно (какая глупость – кто бы ей здесь платил?), чтобы выяснить суть происходящего. Жду, не дожусь полуночи... Из желудка поднимается волна беспокойства, звуки странно замедляются, хочется куда-то бежать – как всегда, когда я нечто предвкушаю.

10. Ладно, кто там десятый?

Ах да, писатель – который отрекомендовался как Павел Петрович Андреев (П.П.).

Никогда раньше о нем не слышала. И, кажется, никто его здесь не знает. Интересно, что он пишет? Есть ли у него опубликованные труды? Почему-то подозреваю, что нет.

Мрачный, довольно желчный человек. Высокомерный. Чересчур возбудимый. Любит уединение.

Позже я еще вернусь к его персоне.

Дом

Теперь опишу внешность Дома, – во чреве которого, кстати, довольно тепло и свежо (где-то, наверное, скрыты кондиционеры). Я бы даже сказала – уютно, если бы не труп и не засилье звериных морд.

Под звериными мордами я подразумеваю не своих соседей, а буквально звериные морды – они здесь торчат отовсюду. Зоологические мотивы, как выразился П.П.

Первым зоологическим объектом, который я увидела, было огромное окно в зале. Горбоносая морда с прямыми ребристыми рогами и тяжелыми веками просунулась в проем и словно бы просила о помощи: в краешке темного глаза застыло страдание. Ножки существа разъезжались, в боку зияла влажная рана. На заднем плане веером разбегалось стадо таких же созданий, преследуемых охотниками на джипе. Один – в серой куртке и с ружьем – высунулся из люка и целился, другого видно не было, лишь из бокового окна торчал устрашающий ствол. Я словно услышала выстрелы и в отчаянье прижала ладони к ушам. Очнулась от хлопка по плечу:

– Ты чего это, дочка?

Оглянулась – дед Витя.

– Это же просто картина! Не переживай! – костлявая рука коснулась ежика моей прически. – А морда настоящая, сайгачья, и рога – вишь – шершавые, – потянул за рога, постучал по стене.

Надо же, и вправду картина, вернее, фотообои.

– А это, вишь, карабины у них. С оптическим прицелом – до чего дошло! Нарезное оружие для охоты разрешили! В мое время не было этого, – дед поцокал. – Хорошие ружья. У верхнего, глянь, карабин «Сайга-308» самозарядный, оптимальная дальность прицела триста метров. А у того, что внутри, «Вепрь», с пламегасителем новой конструкции, – он нежно погладил изображение. – Ствол с продольными ребрами, приклад с выступающим гребнем.

Лекция об огнестрельном оружии в устах коротышки в семейных трусах показалась мне столь нелепой, что я прыснула. Пенсионер обиделся и ушел. А я немного воскресла и принялась рассматривать Дом.

Итак, животные мотивы я обнаружила:

– на кухне (уже упомянутый и уже уничтоженный вытяжной шкаф в виде львиной головы, а также металлические вешалки для полотенец в виде длинных козлиных рогов);

– в кабинете (шезлонг, обтянутый пятнистой коровьей шкурой);

– в ванной (светящийся потолок, полосатый, как зебра).

– в зале (деревянные табуретки в виде огромных копыт).

Да вообще везде!

Настоящий зоопарк.

В двух потрясающих комнатах второго этажа зверей тоже хватает. Первую – красную и совершенно круглую – дед Урина сразу же прозвал «похабной». Ее стены опоясывает ряд подсвеченных фотографий, изображающих различных животных в момент соития. Там есть: слоны, жирафы, зебры, носороги, зайцы, ежи, мухи.

При виде этой диковинной комнаты у меня моментально возникли новые идеи. Может, Дом это тайное загородное увеселительное заведение? Говоря прямо, бордель? Или, как сказал Тимур, павильон для съемок скандального шоу «За стеклом»?

Действительно, круглая «похабная комната» отлично подходит для эротического шоу. В центре ее царит кровать – тоже совершенно круглая – покрытая красным шелком с изображением пронзенного сердца. В форме такого же любовного сосуда красуются настенные светильники из розового стекла. Прямо над ложем, в потолке, сидит плоский экран телевизора. DVD-диски хранятся в специальной нише, устроенной в изголовье. Названия фильмов обнадеживают:

«Нефритовый стержень»,

«Пылкая Агнес»,

«Детство Эммануэль».

Впрочем, там имеются вещи попримечательней. Справа от кровати валяется резиновая девица со столь небрежно нарисованным лицом, что сразу становилось понятно – лицо тут не главное. Над пикантной областью читается надпись: Hiding place (Тимур перевел – «потайное место» – очень грубый юмор). Дед Виктор Федосеевич, увидев куклу, сказал: «Камасутра, ёк-макарёк» и сплюнул.

Ванная при «похабной комнате» тоже стыдливо розовеет. Розовые прозрачно-стекловидные раковины и краны (я и не знала, что такие бывают), розовая же ванна-джакузи от Jacuzzi многократно отражаются в стальных зеркалах. Когда я вошла туда впервые, то опешила от чудовищного Многозеркалья. Сотни Констанций испуганно заметались и завертели головой. Но тут зашла Альгейба, начала охать и, словно гид, тыкать во всякие мелкие экспонаты и называть их стоимость: дозатор жидкого мыла (\$120), электрические полотенцесушители (\$400), ванночки для ног (\$70), радио для душа (\$140), напольные весы (\$1600!!!) и пр.

В конце концов мне надоела эта прайс-экскурсия. Я показала язык Констанции на потолке и покинула уродливое великолепие.

Спустившись по спиральной лестнице, очутилась в гостиной между коридором и кухней. Посреди гостиной стоял белый полукруглый диван – народ увлеченно смотрел телевизор. Точнее, это был домашний кинотеатр – со всевозможными усилителями, громкоговорителями и колонками. Колоссальный экран – который есть «плазменная панель» – занимал треть матовой стеклянной стены, отделявшей холл от кабинета.

Я решила присоединиться к зрителям. Тимур и Алексей сходили на кухню, принесли текилу, лимон и соль. Торс захватил еще пару сигар, но курить ему не позволили.

Кинотеатр проработал до обеда, а затем, после трех, сеанс продолжился. Посетил его даже Орешкин – застыл в дверях на африканской комедии «Боги, наверно, сошли с ума». Писатель с блокнотом посидел на «Спайдермене». Убей-Волк три часа глядел в экран невидящими глазами. Лишь в семь разошлись все, кроме меня, Тимура и Алексея. Тимур поставил было фильм «Doors» – про одноименную американскую рок-группу, – но мы с Торсом воспротивились и выбрали вместо этой тягомотины уморительную картину «Тупой и еще тупее тупого».

Что еще сказать о нашем жилище?

Впечатляет кухня: хромированная сталь, пластик, гранит, голубое стекло с подсветкой. Здесь имеется уйма хитрых электрических агрегатов. Например, мощная посудомоечная машина, которая, как удовлетворенно заметила Марина, без труда отмоеет даже грязную сковороду; размельчитель мусора (шелуху и очистки можно кидать прямо в раковину, а специальная машинка внутри с шумом перемелет мусор и отправит в канализацию – да здравствует прогресс!), электрические плиты, соковыжималки, резак, терки, варки, парки. У стены напротив входа стоит огромный холодильник BOSCH (так и тянет сказать: БОГ) с пятью вместительными секциями разной температуры и влажности, доверху набитый продуктами...

Ой, хватит, я уже устала.

23.05.

Время, умоляю, лети быстрее!!!

Еще час, и, возможно, что-то прояснится. В двенадцать – «время истины» – сеанс у Альгейбы. Она пообещала, что войдет в параллельное пространство.

(Интересно, а в каком мы сейчас находимся?)

...Боже, Констанс, посмотрела сейчас на твои штаны и прикололась! Видела бы тебя сейчас Валька Качаева – тебя и весь ваш дурдом в одинаковых майках и подштанниках!

Хотя она бы не удивилась. Плейбойские уши и хвосты куда более поразительны. И куда более омерзительны.

Помню, как, впервые выйдя на работу, Валька хохотала полчаса, прежде чем осознала, что ЭТО ей предстоит напялить на себя. Одевалась уже молча, обреченно...

Через десять минут.

Сходила сейчас на кухню, налила себе сока манго. Увидела, как развлекается народ. Не верится, что в таком радостно-беспечном царстве может произойти что-то плохое.

Марина и Алексей затеяли соревнование в караоке.

00.50

Вернулась сейчас с гадания, впечатлений море!... Нет, океан!

Однако всё по порядку.

Продолжу с того места, на котором прервалась в прошлый раз (вернее, меня прервал писатель).

...Марина и Алексей затеяли соревнование в караоке.

Я села на диван и смотрела то на цветное мельтешение экрана, то на мускулистый торс Торса, раскачивающийся в такт музыке.

Парень, сжимая в руках черный цилиндрок, чувственно выводил:

Гитара с треснувшей декой

Поет, смеется и рыдает.

И зачарованные эки

На нарах пайку доедают.

Окончив пение, он игриво встряхнул белым чубчиком и жадно вперился в экран.

«Вы пели великолепно, – отозвалась плазменная панель. – 94 очка».

Улыбка несколько померкла, – наверно, ожидал другого результата. Прошептав три крепких слога, Алексей протянул микрофон Марине, лежащей в объятиях огромного кожаного кресла – массажного, напичканного электроникой (подобное стоит в кабинете моего босса, он называет его «интеллектуальным», видимо, за то, что оно никогда не путает его шею с ягодичами).

«Вообще-то я всегда сотку беру. Наверно, еще не припелся, на. На новом месте, гхы», – сказал Торс. «А теперь, мать, поглядим, как ты забацаешь», – поддразнил он Марину и подмигнул мне. Я решила не дожидаться очередного соло и направилась в кабинет к уже полюбившимся кактусам. Села за круглый столик, задумалась. Рядом, в шезлонге, обтянутом бело-черной коровьей шкурой, под светящимся галогенным грибом уже два часа беспробудно спал писатель П.П. В голубоватом свете его лицо казалось еще более синим и изможденным. Человек этот, несомненно, немало повидавший, похож был на ЗК, лирического героя Алексеевых песен. Я поежилась. Хорошо, что на нем этот нелепый костюм, – белый цвет придает его облику невинной чистоты (иначе П.П. казался бы безнадежно грязным: жидковатые, давно не стриженные волосы, серая кожа, желтые зубы), а смешное одеяние делает его почти безобидным.

Правая рука писателя, слабо сжимающая дужку очков, вдруг пошевелилась, левый глаз приоткрылся.

– А, это вы, Констанция? Что, уже ночь? Впрочем, какая разница! – поднес очки к глазам и распрямился. – Вижу, вы зря времени не теряете: поцарапываете что-то.

– А позвольте, Павел Петрович, спросить, – не растерялась я. – Кажется, вы тоже что-то поцарапываете? Не поделитесь ли творческими достижениями?

Он изумленно воззрился на меня – словно я была заговорившим муравьем – потом соизволил ответить:

– Ну что ж... Пожалуй, я ознакомлю вас с моей последней коллекцией... М-м-м... как бы получше объяснить... Да! «Сборник новейших фразеологизмов» – думаю, это будет понятно.

Я предпочла промолчать.

– Сегодня мне пришла мысль... – серая рука потянулась куда-то под кресло. – Впрочем, неважно. Я внимательно слушал беседы наших уважаемых соседей и фиксировал наиболее любопытные речевые обороты. – П.П. со значением потряс блокнотом над головой, затем поднялся и неожиданно пересел за стол рядом со мной. Я сразу прокляла свою общительность.

– Вот! – ткнул он в блокнот обгрызенным ногтем. – Оцените, как свежо и ядрено! Вот-вот! «Хрен редьки длиннее»... «Курить хочу, как слон американский»... Почему слон, как вы думаете? Не знаете?

– Нет, – холодно произнесла я.

– Ха-ха-ха! – закаркал он. – Никто не знает... Да, никто... Курить хочу, как слон американский... Весомость этого желания была для меня когда-то весьма ощутимой, пока я не углядел в своем пристрастии унизительную зависимость.

Я плохо его понимала, но натянуто улыбалась. П.П. продолжил:

– «Вот где собака порылась». «Ты чё, плесень, хиппуешь?». «Бляха чищена».

Я представила деда Витю и прыснула.

– «Кто старое помянет, тому раз в глаз. Кто старое забудет, тому пару раз в пару глаз». «Я своего пацана тока за дело шкню». Шкню... уникально... «Жрать хочу, как медведь бороться». «Ну тады ой»...

Я смотрела на него и удивлялась, зачем он собирает подобную чушь. Это что – *творчество*?

– Хватит! – резко прервала я чтеца.

Андреев удивленно воззрился на меня, все еще держа палец на нужной строке. А потом неожиданно спросил:

– Не могли бы вы рассказать что-нибудь о нашем соседе... африканского происхождения? Кажется, вы с ним знакомы?

– Зачем это вам? – не очень вежливо поинтересовалась я. Мне не хотелось говорить с ним о Саше. Я почему-то чувствовала, что это будет похоже на предательство.

К счастью, стенная перегородка отъехала, и в проеме показалось лицо Марины:

– Костя! Сколько время? Наверно, уже идти на гадание?

Я взглянула на часы – новенькие, золотистые, с тоненьким ремешком (купила вчера, поддавшись примете из «Ковыльского боксита» – «если в жизни все идет не так, смените часы»... вот и сменила...).

– Без пяти двенадцать. И вправду пора.

– Ой, щас я. Хочу взять... – Марина прошла вглубь комнаты. Пошарив на стеллаже с минуту, удивленно запричитала:

– Это ж надо, утром были, а щас пропали! Где кнопки? Нету! Не брала, Костя? Вот, блин, поделись только идеями!

Я не стала её слушать и вышла из кабинета.

Его тут нет

В двенадцать ночи все собрались в гадальной комнате (впрочем, не все: не пришел писатель; Орешкин рвался, но его не впустили), – комната эта вкупе с «похабной» и небольшим коридором между ними, собственно, и составляет второй этаж.

Альгейба уже восседала за округлым столом – величественная, в красном шелковом одеянии, напоминающем древнегреческий гиматий. Интересно, где она раздобыла такой наряд?

Потом я узнала, что гадалка воспользовалась покрывалом из комнаты напротив, обернув его особым образом вокруг тела.

Я принялась рассматривать помещение. Оно было не похоже на остальные. Во-первых, здесь отсутствовали электрические приборы. Неяркое освещение создавали десяток свечей в канделябрах, стоящих на узких столиках, да пара одиноких свечек на столе. Этот и без того тусклый свет был приглушен темно-лиловым тоном комнаты, рождающим ощущение смутной тревоги. Угрожающе клыкастая кабанья голова, висевшая на стене против входа, тоже не добавляла интерьеру оптимизма.

На стене справа я рассмотрела несколько портретов в золоченых багетах. Не без помощи остальных посетителей я узнала, что это:

Парацельс;

Джузеппе Бальзамо;

Пушкин (работы Крамского);

Елена Блаватская;

Елена Малышева

(последнюю – ведущую программы «Здоровье» – я, разумеется, опознала сама).

У левой стены высился деревянный шкаф, набитый темными, поблескивающими позолотой фолиантами. Вообще, комната была оформлена в каком-то старинном стиле. Центр обозначался дубовым столом (на столешнице красовалась пентаграмма), окруженным шестью массивными кожаными креслами. Вспоминался английский клуб времен Шерлока Холмса, и недаром – великий сыщик здесь присутствовал лично: на шкафу стоял мраморный бюст актера Ливанова в роли знаменитого лондонца. Кроме того, на полках нашли пристанище: пара серебряных кубков, позолоченный кофейник, бронзовая статуэтка лошади (вновь звериный мотив!), большой глобус, яйцо Фаберже, несколько колод Таро, колода Ленорман и обычные игральные карты.

Из мебели наличествовали еще три высоких стула с подлокотниками. На одном из них, прямо под кабаньей мордой, расположилась Альгейба, сосредоточенно глядящая на рассыпанные по столу арканы Египетского Таро.

Утонув в мягком коричневом кресле, я оглядела окружающих и поймала отчего-то взволнованный взгляд Алексея. Вот уж не думала, что это лицо может быть серьезным. Саша был спокоен, печален и одухотворен. Осматривая интерьер, он тихо шептал:

*В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви...*

Шедевр вертел в руках кубок, рассматривая гравировку. Дед крутился на стуле, то заглядывая под стол, то пробуя на ощупь обивку сидения. Марина смирно села в кресло у двери, напротив Альгейбы, оказавшись между мной и стариком. Наткнувшись взглядом на ошетиленную морду зверя, она опасливо заозиралась.

Гадалка вращательными движениями возила карты по столу и ждала тишины.

Наконец, она подняла голову и медленно произнесла:

– Что вы хотите узнать?

Все замолчали. Только дед, непосредственность которого умиляла, громко проговорил:

– Алька! Неужто ты не знаешь, чего мы хотим? А ты-то сама чего хочешь?

Пламя свечи метнулось влево, на лицах присутствующих замелькали тени. Альгейба, острый нос которой вдруг сделался странно крючковат, застыла и не реагировала на вопрос.

– Хотим узнать, кто нас сюда определил, кто виновник всего! – продолжил дед, почесывая колено.

– И где мы находимся, – добавила Марина. – Чей это дом? – рубиновые сережки ее светились в полумраке.

– Когда все это кончится? – не выдержала я.

Альгейба не двигалась.

– Ну давай, Альфера, – снова подал голос пенсионер. – Расскажи всю правду. Только знай, что я настроен скептически...

– У тя чё, Урина, «Дюрасел» к языку приклеен? – недовольно прошипел Торс. – Ну-ка скинься в тубик!

Всё стихло, только дед Урина скорчил рожу грубияну.

Ворожея вышла из оцепенения и принялась раскладывать карты, не смешивая старшие и младшие арканы. Она сделала несколько раскладов – я внимательно наблюдала, но узнала только Кельтский крест и Знак жрецов. Последний был выложен последним (простите за невольный каламбур) – девять старших арканов, составивших крест с петлей – анх, древнеегипетский символ жизни.

Посмотрев на расклад, гадалка задумалась.

– Первопричина, – неожиданно раздался ее громкий, чуть гнусавый голос, – смерть и перерождение. Новый виток спирали. Новая жизнь! – так она, по-видимому, трактовала две первые карты – «Смерть с косой» и «Корона магов».

– Главный импульс, – качнувшись, продолжила гадалка (черная прядь упала на лицо), – кара небес, крах и разрушение! – карта «Крушение башни» изображала молнию, ударившую в здание, летящие кирпичи и двух падающих вниз головами людей.

Никто ничего не понимал, но все внимали, как зачарованные.

Дойдя до шестой позиции, Альгейба произнесла:

– У вас есть выбор. Нелегко найти путь из лабиринта. Отыщите его! – карта «Два пути» изображала монстра с луком и стрелами, целящегося с небес в жрицу с черными волосами (из трех человек – мужчины и двух женщин – монстр выбрал именно брюнетку).

– Вам выпало испытание, кое связано с укрощением зверя! – на следующей карте лев действительно был укрощен женщиной.

– В конце пути вы достигнете истинного счастья! Подымитесь из Глубокой Ямы, чудом избежите Великого Огня! – на карте «Сияние» ярко светило ласковое солнце. Два человека – мужчина и женщина – стояли в кругу экзотических растений.

Гадалка смешала карты и вновь замолчала.

Это всё? – изумилась я. Оказалось, нет.

Подержав руки над свечой (так что другой давно бы обжегся), затем поведив ими над колодой, гадалка откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Тело ее принялось медленно раскачиваться. Красный шелк зашелестел. Все затаенно следили... Что-то зашуршало в углу, где-то вверху стукнуло. Я сжалась, Марина ахнула, Алексей застыл. По комнате пробежал холодок и загасил свечу на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.